

Пышка перед выбором

18+

Кира Си

Кира Си

Пышка перед выбором

«Автор»
2026

Си К.

Пышка перед выбором / К. Си — «Автор», 2026

Марине тридцать шесть. Она полная, ухоженная и больше не та, кого перед ужином у чужих родителей просили «немного взяться за себя». Через четыре года бывший стоит на её кухне и говорит, что принял её фигуру и готов начать заново. Осторожно. Аккуратно с её телом.В доме напротив селится шеф-повар. После смены он приносит ужин и говорит прямо: хочет видеть, как она ест, как снимает халат, как её бёдра не помещаются в его узкой кухне.Марина не понимает, с кем химия, а с кем память. С кем нежность, а с кем чувство. Поэтому решает проверить телом: одну ночь с бывшим, на следующую — с тем, кто смотрит на неё как на еду, которую не стыдно хотеть. Один будет бережным. Второй — жадным.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать шесть 5
Глава 2. Принял фигуру 7
Глава 3. Ужин после смены 9
Глава 4. Два предложения 12
Глава 5. Проверка 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Пышка перед выбором

Глава 1. Тридцать шесть

Марина намазала крем на бёдра так, как мажут то, что собираются носить, а не прятать. Вечер был обычный. Тридцать шесть не звенело в календаре. Просто цифра, которая уже не просила разрешения занимать место в собственной квартире.

Халат шёлковый, не новый, по размеру. На груди он расходился сам, если не затянуть пояс. Она не затянула. В зеркале ванной кожа после душа была розовая на сгибах, живот мягкий, бёдра широкие, и всё это выглядело ухоженным: подстриженные ногти, масло на ключицах, волосы собраны не для гостя. Для того, чтобы крем не лип к шее. Она повернулась боком. Не чтобы проверить, стала ли меньше. Чтобы увидеть, как ткань ложится на зад, и остаться довольной тем, что легла.

Раньше это зеркало работало иначе. Четыре года назад она вставала к нему перед ужином у его родителей и думала, какое платье сожмёт меньше. Игорь тогда не кричал. Игорь вообще почти не кричал. Он говорил тихо, в прихожей, уже с ключами:

— Платье будет лучше сидеть, если сбросишь немного. Не для меня. Для них. Они так смотрят.

Они так смотрели. Мать наливала суп и задерживала взгляд на тарелке Марины на секунду дольше, чем на тарелке сына. Отец шутил про «женскую породу, которой надо место». Шутка была добрая по интонации и грязная по смыслу. Игорь улыбался в тарелку и под столом трогал её колено, будто этим касанием можно было отменить стол. После, в машине, он говорил: «Ты красивая. Просто они старые. Давай не сейчас».

Не сейчас длилось два года. Намёки копились не скандалом, а пылью. Не надевай это к маме. На фото встань чуть сзади. На море возьми тунику, солнце жёсткое, и люди жёсткие, и я не хочу, чтобы тебе было неудобно. Неудобно было ему. Ей было тесно в его осторожности.

Она ушла не после крика. После очередного «мы будем аккуратны». Тогда эта фраза ещё не про секс. Про торт на день рождения его отца: «Возьми маленький кусок, ладно? Чтобы не начинать разговор». Марина положила торт обратно, поцеловала Игоря в щеку при всех и ушла из квартиры тем же вечером. Вещи забрала за два раза. Он не удерживал в дверях. Сказал, что понимает, и что она пожалеет, когда кто-то другой не будет таким бережным.

Четыре года бережность жила без него. Крем, бельё по размеру, а не «на вырост вниз», ужин без отчёта. Сегодня на тарелке была рыба и тёплый хлеб, масло не снятое. Она ела стоя у окна, босиком, халат на одном плече. За окном двор, дом напротив, кухни чужие и тёмные, кроме одной.

Новая зажглась на третьем этаже, ровно напротив её кухни. Раньше там было темно месяцами. Теперь свет тёплый, не люстра, а лампа над столом. Человек двигался за стеклом не как жилец, который включает телевизор. Как тот, кто раскладывает ножи. Белая куртка мелькнула и исчезла. Потом снова. Он что-то ставил на плиту. Пар поднялся и лёг на стекло мутным пятном.

Марина не одёрнула халат. Есть ей было вкусно. Хлеб она доела пальцами, масло слизала с большого, не из кокетства. Из привычки человека, которого больше не просят взять маленький кусок.

В новом окне человек на секунду остановился. Не факт, что смотрел на неё. Двор узкий, кухни смотрят друг в друга без стеснения, так устроены эти дома. Марина всё равно не отступила в комнату. Пусть видит, если видит: полная женщина у окна, тридцать шесть, халат, хлеб, тело, которое никому сегодня не должно быть удобным.

Она доела. Поставила тарелку в раковину. Крем на бёдрах уже впитался и оставил кожу гладкой под ладонью, когда она провела по себе мимоходом, проверяя не вес. Проверяя, что вечер её.

Напротив лампа не гасла. Ножи, кажется, легли в ряд. Чужая кухня горела так, будто кто-то только что въехал и уже готовит не себе на скорую руку, а всерьёз.

Марина затянула пояс. Не туго. Настолько, чтобы дойти до кровати и не споткнуться о собственный халат. В зеркале прихожей она ещё раз посмотрела на шею, на грудь, на то место, где живот встречает шёлк. Красиво. Полная. Не проблема.

Четыре года назад её чуть-чуть стыдились каждый раз, когда она занимала стул целиком. Сегодня стул был её. Окно тоже. А свет напротив горел дальше, даже когда она выключила свой.

Глава 2. Принял фигуру

Звонок был чужой. Не курьерский, короткий. Длинный, как будто человек за дверью уже пожалел, что нажал, и всё равно не убрал палец.

Марина открыла в халате. Пояс затянут, волосы ещё влажные после душа. На пороге стоял Игорь. Четыре года легли на него не морщинами, а тишиной: пальто хорошее, без спешки, цветы он не принёс. Это было умнее цветов.

— Можно на пять минут, — сказал он. — Не с порога в жизнь. Просто сказать.

Она могла закрыть. Рука уже лежала на кромке двери. Он не подставил ногу и не повысил голос. Стоял так, будто отказ тоже будет ответом, который он унесёт вниз по лестнице. Именно поэтому она отступила.

— Пять минут. Кухня. Не разувайся, если не остаёшься.

Он разулся. Привычка старее обиды.

Кухня была её. Чашки на верхней полке, хлеб в полотняном мешке, вчерашняя тарелка уже чистая. Игорь остановился у стола и не сел, пока она не кивнула на стул. Сел не туда, где раньше любил сидеть спиной к окну. Сел так, чтобы видеть её, а не двор.

— Я пожалел не сразу, — сказал он. — Сначала злился. Потом понял, что злюсь не на уход. На то, что ты была права. Я тебя стыдился. Не криком. Мелочью. Это хуже. Родители, платье, кусок торта. Я называл это бережностью. Это было неудобство. Моё.

Марина налила воду себе. Ему не предложила сразу, и сама услышала, как это звучит. Достала вторую чашку. Он не потянулся к шкафу. Ждал. Когда она поставила чай перед ним, он посмотрел на полку и сказал тихо:

— Третья слева. С синей каймой. Ты её не выбросила.

— Она удобная.

— Я помню, где у тебя удобное. Поздно помню, что удобное для чашки и удобное для тебя были разные вещи.

Он говорил правильные слова. Без нажима, без «ты должна меня выслушать до конца». Взрослый человек, который заранее согласен уйти на пятой минуте. Марина держалась за край стола и чувствовала, как трудно отшить того, кто не хамит. Злость любит сопротивление. Здесь сопротивления не было. Было узнавание.

Игорь поднял глаза от чашки. Взгляд сел не на лицо. На халат, на то, как пояс собрал ткань, на бёдра, которые занимали стул целиком, когда она всё-таки села напротив. Раньше в этом взгляде была гримаса, быстрая, почти вежливая: оценка, поправка, «потом скажу мягко». Сейчас гримасы не было. Он смотрел дольше, чем позволяют бывшие, и не отвёл глаза, когда она это заметила.

— Я принял твою фигуру, — сказал он. — Не «смирился». Принял. Ты красивая такая. Была и тогда. Я был трусом при своих. Готов начать заново, если ты вообще пустишь это слово в квартиру. Не сегодня. Не с поцелуя на пороге. С того, что я больше не буду просить тебя стать удобнее.

Химия началась не с руки на колене. С того, что он знал полку. С того, что смотрел на бёдра и не морщился, будто тело, которое он раньше обходил взглядом у родителей, теперь можно держать в кухне при дневном свете. У Марины тепло пошло низко и против воли. Память тела глупее обиды. Она разозлилась на себя за это тепло и не показала.

— Ты говоришь так, будто фигуру можно принять, как посылку, — сказала она. — Её не надо было принимать. Она была. Ты рядом стоял и просил ужаться.

— Да.

Одно слово. Без оправдания следом. Это тоже было новым. Раньше после «да» шло «но они же», «но я волновался», «но давай не сейчас».

Она молчала. Чай остывал. За окном напротив кухня третьего этажа была тёмной: день, смена, человека в белой куртке не видно. Марина поймала себя на том, что смотрит туда, и вернула глаза Игорю.

— Я ничего не обещаю, — сказала она. — Ни ужина. Ни «давай попробуем». Ни что твои пять минут станут вечером. Ты сказал. Я услышала. Это не возврат.

— Я не за возвратом с порога. — Он достал телефон, повернул экраном к ней, не протягивая руку через стол так, будто она обязана взять. — Номер тот же. Если удалила, я напишу на бумажке. Если не напишешь ты, я не приду второй раз без спроса.

— Пиши на бумажке. Телефон я не беру из твоих рук. Пока.

Он написал. Аккуратно, как человек, который не хочет, чтобы цифра смазалась и стала поводом переспросить. Положил листок у синей чашки. Встал. Пальто не натягивал рывком.

У двери остановился. Не для поцелуя. Для фразы, которую, видно, берёг не на кухню, а на порог, где легче уйти сразу после неё.

— Если когда-нибудь пустишь ближе, мы будем аккуратны с твоим телом, — сказал он. — Я не про стыд. Про то, что я больше не имею права быть резким с тем, что сам же научил тебя защищать. Осторожно. В твоём темпе. Или никак.

Он ушёл. Дверь закрылась без хлопка.

Марина стояла босиком на своём кафеле. Листок лежал у чашки, которую он узнал с полки. На бёдрах ещё чувствовал себя чужой спокойный взгляд, без старой гримасы, и от этого было труднее, чем от грубости. Грубость можно выставить. Правильные слова садятся в кухню и остаются после человека.

Она не выбросила номер. И не убрала в ящик. Оставила у синей каймы, как оставляют вещь, с которой ещё не решили, чужая она или уже снова своя.

За окном напротив по-прежнему было темно. Вечер только собирался. Марина затянула пояс чуть крепче, чем утром, и всё равно не так туго, как четыре года назад перед чужими родителями.

Глава 3. Ужин после смены

Стук был не в дверь. В стекло кухни, коротко, костяшками, будто человек уже знал, что звонок здесь слишком официальный. Марина обернулась от раковины. На площадке напротив её окна, через узкий двор, кухня третьего этажа горела пустая. А на её лестнице, за дверью, стоял тот, кого она видела только в белой куртке и в пару.

Она открыла, не успев решить, надо ли затянуть пояс.

Он был без куртки. Тёмная рубашка, рукава закатаны, на запястье след от жаркого противня, тонкий и свежий. В руках контейнеры, не цветы и не пакет с логотипом напоказ. Пахло маслом, лимоном и чем-то, что уже почти остыло по дороге через двор.

— Марк, — сказал он. — Дом напротив. Смена кончилась час назад. Это не соседский пирог. Это ужин. Если не голодная, я развернусь.

— Марина. — Она посторонилась раньше, чем придумала отказ. — Голодная.

Он вошёл и сразу стал больше её кухни. Не плечами. Вниманием. Поставил контейнеры на стол, туда, где утром лежал листок с номером. Листок она уже убрала в ящик. Рука всё равно помнила, где он лежал. Марк на ящик не смотрел. Смотрел на неё.

— Халат, — сказал он. — Не поправляй. Я шёл через двор и видел, как он на тебе сидит. Не подглядывал в бинокль. Кухни здесь друг напротив друга, это не секрет. Я хотел увидеть ближе.

Марина дернула пояс всё равно. Не туго. Настолько, чтобы грудь не вышла к чужому человеку в первую минуту. Ткань не послушалась до конца. Край остался ниже, чем она хотела для незнакомца, и выше, чем прятала бы, если бы стыдилась.

— Ты всегда так знакомишься?

— Нет. Обычно я ставлю тарелку и ухожу на кухню. Сегодня не хочу делать вид, что принёс еду из вежливости.

Он открыл контейнеры. Рыба, не как у неё вчера, а с корочкой, которую ещё можно было услышать, если надломить. Тёплый картофель в масле и укропе. Маленькая плошка соуса, желтого, густого. Хлеб он принёс не ресторанный, а с мякотью, которая просит пальцы. Тарелки нашёл сам, вторым взглядом, не спрашивая, где у неё удобное. Это было не как у Игоря. Игорь помнил полку. Марк брал то, что стояло ближе, и не извинялся, что взял.

— Ешь, — сказал он. — Я не затем, чтобы рассказать, как это готовилось. Я затем, чтобы смотреть, как ты ешь.

Она села. Он не сел напротив, как гость. Сел сбоку, близко к углу стола, так что её колено могло задеть его, если она повернётся. Не задела. Пока.

Первый кусок был честным. Соль, масло, рыба, которая не стыдится быть жирной. Марина жевала и чувствовала его взгляд на рту, не на вежливом месте лица. Он не отводил глаз, когда она подняла свои. Не улыбался извиняющейся улыбкой человека, которого поймали. Смотрел, как двигается челюсть, как она слизывает масло с нижнего края губы, и не делал вид, что это про кухню.

— Вкусно, — сказала она, потому что было вкусно, и потому что тишина уже стала телесной.

— Я знаю. — Он подвинул хлеб ближе. — Бери руками. Вилка тут лишняя, если хочешь до соуса.

Она взяла. Хлеб пропитался. Соус остался на большом пальце. Она могла вытереть о салфетку. Не вытерла сразу. Марк смотрел на палец так, будто это тоже подача.

— Мне неловко, — сказала Марина.

— И горячо. Я вижу оба. Не выбирай за меня приличное.

Он сказал дальше без лечебной нежности, без «ты наверняка комплексуешь, давай я исцелю». Прямо, как ставят кастрюлю на огонь: не спрашивают кастрюлю, хочет ли она жара. Спросил только раз, коротко, можно ли говорить так, как думает. Она кивнула, ещё с хлебом во рту, и пожалела о кивке ровно на ту секунду, пока он не начал. Потом не пожалела.

— Я хочу видеть, как ты ешь. Не «понемногу», не красивый кусок для фото. До конца. Как соус остаётся на губе. Как халат расходится на груди, когда ты наклоняешься к тарелке, и ты не успеваешь его поймать. У меня кухня узкая. Между столом и плитой проход в ладонь. Твои бёдра там не поместятся боком. Ты заденешь стол и плиту сразу. Я хочу это видеть. Не чтобы ты стала тоньше и прошла. Чтобы не прошла. Чтобы стояла там, заняв всё, и ела с моей ложки, если сама дотянуться не сможешь, потому что места нет.

У Марины тепло ударило низко, зло, сразу. Щёки тоже. Она положила хлеб. Халат и правда разошёлся, когда она тянулась за плошкой. Грудь лежала в вырезе тяжело, по-настоящему, не как намёк. Он смотрел туда открыто. Потом на бёдра, на то, как стул принял её целиком, на живот под шёлком. Взгляд был голодный. Не оценка портного. Голод.

— Ты меня не знаешь, — сказала она.

— Знаю достаточно, чтобы не врать на первой тарелке. Остальное можно не знать и всё равно хотеть. Я не пришёл говорить, что принял твою фигуру. Её не надо принимать. Я хочу её в своей кухне, где она не помещается. Хочу руки на этих бёдрах, когда ты будешь есть и ругаться, что узко. Сегодня не трону. Ты ещё жуёшь. И я не спрашивал тела. Я спросил только, можно ли сказать.

— Уже сказал.

— Тогда доедай.

Она доела. Не из послушания. Рыба кончилась, картофель кончился, соус она собрала хлебом до желтизны на керамике. Он смотрел весь ужин и не отвёл глаз, даже когда ей стало некуда деть рот, кроме как жевать под этим взглядом. Неловко было. Горячо было сильнее. Между ног собралось так явно, что она свела колени и тут же разозлилась на себя за этот жест. Он увидел и колени тоже. Не усмехнулся.

— Ещё? — спросил он.

— Нет.

— Жаль. Мне нравится, когда ты не оставляешь.

Он закрыл пустые контейнеры. Встал. Руки держал при себе, хотя между ними было меньше шага, чем требует вежливость. Марина чувствовал запах его смены: жар, лимон, кожа. Если бы он наклонился, халат уже не спорил бы. Он не наклонился.

— Я ухожу, — сказал Марк. — Не потому что передумал. Потому что если останусь, трону. А ты ещё не сказала, что можно руки. Еда была можно. Слова были можно. Бёдра пока мои только во рту, не на ладони.

— Ты говоришь так, будто это просто.

— Это не просто. Это честно. Извини, что голоден, я не скажу. Я голоден. Ты вкусная, когда ешь, и будешь вкуснее, когда халат снимется не от сквозняка. Моя кухня узкая. Когда захочешь проверить, поместишься ли, дверь напротив, третий этаж, после полуночи я уже дома. Не раньше. Смена.

Он ушёл без касания. Дверь закрылась тише, чем у Игоря, хотя Марк был громче во всём остальном.

Марина осталась за столом в распахнутом халате, с пустой тарелкой и пальцами, на которых ещё был соус. Она слизала его сама. Не для него. Для того, чтобы понять, что желание никуда не делось от того, что её не взяли. Наоборот. Стало чище. Без старой памяти, без «мы будем аккуратны», без полки, которую кто-то узнал. Злее. Потому что человек посмотрел, как она жуёт, сказал про бёдра, которые не пройдут в его проход, и ушёл, оставив голод при ней, а не при себе.

За окном напротив зажёгся свет. Третий этаж. Он пересёк кухню, узкую даже отсюда, если смотреть на то, как он повернулся боком у плиты. Не помахал. Поставил что-то на огонь, будто смена ещё не кончилась.

Марина не затянула пояс. Сидела, полная, сытая едой и не сытая ничем другим, и думала, что утро ещё не спросило, кого она хочет. Вечер уже спросил телом. Тело ответило не именем. Жарко. И зло, что руки, которые могли лечь на бёдра, легли только на дверную ручку с той стороны.

Глава 4. Два предложения

Утро не выбрало никого. Марина проснулась сытая вчерашней рыбой и не сытая ни одним из мужчин, и это уже было хуже, чем голод. Тело помнило два разных взгляда и не соглашалось сложить их в один.

Игорь написал в десять. Не с порога ночи, не пока она ещё стояла у двери с его бумажкой. Днём, когда сообщения выглядят взрослее, чем они есть.

«Если захочешь воздуха, а не кухни, я рядом до вечера. Прогулка. Разговор. Без рук, если так спокойнее. Я не хочу тебя спугнуть. Мы будем аккуратны с твоим телом. Никаких резких движений. В твоём темпе. Или просто походим и разойдёмся у твоего подъезда.»

Она прочитала дважды. Слова были мягкие. В них не было старой гримасы. И всё равно «аккуратны с твоим телом» легло туда же, куда четыре года назад ложилось «платье будет лучше сидеть». Не оскорбление. Бережность. Как с вазой, которую уже один раз уронили и теперь несут двумя руками, глядя под ноги.

Она не ответила.

Марк написал в час. Коротко, без «доброго дня» и без точки в конце, будто точка была бы лишней вежливостью.

«Завтра после полуночи. Моя кухня. Ужин. Есть будешь при мне. Халат можно не надевать ради приличия. Если придёшь в нём, я не попрошу снять. Если придёшь без, я не попрошу надеть. Дверь не заперта для тебя. Для остальных заперта.»

Марина положила телефон экраном вниз. Потом перевернула снова, потому что сравнивать вслепую она уже не умела.

Игорь предлагал воздух, темп, отсутствие резкости. Марк предлагал узкую кухню, еду при свидетеле из одного человека и право не одеваться в приличие. Комплиментов не было ни там, ни там. Игорь не написал «ты красивая». Марк не написал «ты вкусная». Оба уже сказали это вчера иначе. Сегодня они говорили не о лице. О том, что делать с весом, если он окажется между ними.

Один предлагал беречь её как хрупкое. Не трогать резко. Не спугнуть. Нести аккуратно, потому что тело, которое раньше стыдили, теперь надо охранять от собственных рук.

Второй предлагал держать её как желанное. Не просить стать меньше, чтобы пройти. Не просить халат, чтобы соседу было удобно смотреть. Есть при нём. Занимать его проход. Быть тяжёлой в ладонях, если она сама скажет, что ладони можно.

Марина встала, налила воду и не выпила. Злость была тихая и точная. Не на них. На то, что оба уже сидели в голове, и голове не было тесно. Телу тоже не было тесно. Тело отвечало на разное и не считало это предательством.

На «аккуратны» внутри поднималось старое тепло: узнавание, стол, чашка с синей каймой, мужчина, который больше не морщится. Хотелось, чтобы его ладонь легла медленно и спросила. Хотелось доказать, что её не надо нести как стекло. И хотелось, стыдно, чтобы всё-таки спросили. Память любит разрешение больше, чем голод.

На «халат можно не надевать» тепло было другим. Ниже. Злее. Без истории. Она представила узкий проход между его столом и плитой, свои бёдра, которые не пройдут боком, его взгляд, который не извинится. Колени снова хотели сжаться. Она не свела их. Стояла босиком на своём полу и злилась, что от короткого сообщения между ног стало так же ясно, как вчера от его глаз на её рту.

Два ответа. Два тела внутри одного. Нежность не отменяла голод. Голод не стирал полку, которую Игорь узнал не глядя.

Она написала Игорю: «Не сегодня. Я не обещала воздух.»

Он ответил сразу: «Хорошо. Я не приду без спроса.»

Марку она написала дольше, стёрла, написала снова. В итоге ушло только: «Завтра скажу. Не сегодня.»

Он прочитал и не ответил. Это тоже было ответом. Не уговором. Дырой, в которую желание провалилось ещё чище.

День прошёл без них и весь был о них. Марина ела стоя, без отчёта, и ловила себя на том, что жуёт то как при Игоре, медленно, чтобы никто не комментировал кусок, то как при Марке, до соуса на пальце, хотя смотреть было некому. К вечеру она разозлилась уже вслух, одной фразе в пустую кухню:

— Я не вещь, которую берегут. И не порция, которую держат.

Фраза была правильная. Тело её не подписало. Тело хотело и бережных рук, и рук, которые не спросят, стала ли она меньше. Хотело сравнить не слова. Слова уже разошлись по разным углам. Хотело знать, с кем химия садится плотнее, когда халат перестанет быть границей.

Она ещё не решила вслух. Но день между ними кончился тем, что оба предложения лежали в телефоне непрочитанными второй раз, а она стояла у окна, полная, злая, горячая от двух разных «да», которые ещё не отправила.

Напротив, на третьем этаже, свет зажёгся ровно в полночь. Узкая кухня. Человек боком у плиты. Не помахал.

Марина не помахала тоже. Затянула пояс. Не туго. И не так слабо, как хотелось, когда она думала о завтрашней двери, которую для неё обещали не запирать.

Глава 5. Проверка

К ночи оба сообщения всё ещё лежали непрочитанными второй раз, хотя она помнила их наизусть. Марина сидела на краю кровати в том же халате и наконец сказала себе вслух то, что день уже доказал телом.

— По разговорам не отличить.

Химия и чувство говорили разными голосами и садились в одно место. Память врала: чашка с синей каймой казалась доказательством, что Игоря можно пустить обратно, хотя полка ничего не обещала рукам. Голод врал тоже: узкий проход у Марка казался ответом на четыре года стыда, хотя она ещё не знала, каково стоять в этом проходе не в воображении, а животом к его столу.

Сравнивать слова дальше было трусостью, которая притворяется взрослостью. Взрослое было другое. Эгоистичное. Пока впечатление свежее, переспать с каждым. Не чтобы наказать Игоря за старую бережность. Не чтобы накопить мужчин, как доказывают себе, что тело снова берут. Не обещать ни одному, что второй не существует, пока она сама не поймёт, с кем желание не гаснет после.

Она не стала писать длинно.

Игорю ушло: «Завтра вечером. У меня. Не прогулка. Если придёшь, я не буду аккуратной вазой. Если это не то, не приходи.»

Он ответил через минуту: «Приду. В твоём темпе. Без обещаний с моей стороны тоже, пока ты не скажешь иначе.»

«Иначе» она не сказала. Про Марка в этом сообщении не было ни слова. Это была не ложь целиком. Это была дыра, которую она оставила специально. Эксклюзивности она не обещала. Значит, и отчёта пока не было.

Марку она написала следом, пока не успела испугаться порядка.

«Послезавтра. После твоей смены. Твоя кухня. Я приду. Не затем, чтобы только есть.»

Он прочитал. Ответ пришёл короче её:

«Жду. Халат на тебе или нет, решает не приличие. Если передумаешь до двери, дверь всё равно не заперта. Если передумаешь на пороге, скажешь. Я услышу.»

Два вечера легли в календарь рядом, как две пробы одного и того же жара. Завтра Игорь. Послезавтра Марк. Между ними ночь, в которую она будет уже не той, что сегодня, и ещё не той, что выберет.

Страх пришёл сразу, честный, без украшений. Вдруг с Игорем будет пусто. Правильные слова, знакомые руки, а тело промолчит, и она останется в своей кровати с человеком, который наконец смотрит без гримасы, и не сможет даже разозлиться, потому что он старался. Вдруг с Марком будет стыдно. Не от его голода. От своего. От того, что она придёт проверять, помещаются ли бёдра, и в узкой кухне окажется не желанной тяжестью, а женщиной, которая переоценила чужой аппетит и свой.

Она подумала отменить оба. Пальцы уже легли на переписку. Потом убрала их.

Отмена была бы ещё одной бережностью. К себе, как к вазе. Она четыре года берегла себя от чужого стыда и не собиралась теперь беречь от собственной проверки. Пусто так пусто. Стыдно так стыдно. Узнает телом, не полкой и не сообщением.

Марина сняла халат. Не для кого-то. Чтобы посмотреть в зеркало прихожей голой, при свете, который не щадит. Тридцать шесть. Живот, бёдра, грудь, след от пояса на талии. Красивое. Полное. Завтра это тело ляжет под руки, которые раньше просили его уменьшиться. Послезавтра встанет в проход, который для него узок. Она не похудела к дате. Даты были назначены на то тело, какое есть.

Она легла без белья. Простыня была прохладная. Между ног ещё жило оба «да», не выбранных. Она не трогала себя. Хотела прийти к первому вечеру не разряженной заранее. Хотела, чтобы сравнение было честным хотя бы в этом: оба получат её голодной, не утешенной собственными пальцами.

За окном напротив свет на третьем этаже погас раньше, чем она закрыла глаза. Игорь не писал больше. Марк тоже. Квартира была её. Решение тоже. Эгоистичное, взрослое, без мести и без кольца на слове «только ты».

Она всё равно не отменила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.